

Аксель Панцер

Двенадцать месяцев

Аксель Панцер

**Двенадцать месяцев. Ноябрь.
Когда камень говорит.**

«Автор»

2026

Панцер А.

Двенадцать месяцев. Ноябрь. Когда камень говорит. /

А. Панцер — «Автор», 2026

Теперь Егорка наконец понимал эти слова. Он сделал ещё один осторожный удар. Под серой коркой появилась тонкая зелёная жилка. Егорка остановился. Не стал ни расширять её, ни делать ярче. Только посмотрел. А потом сказал: — Вот она.— Кто? — спросил Прохорыч.— Живинка. Старик подошёл. Долго смотрел на камень. Потом кивнул. — Теперь не спеша. За окном падал снег. До настоящей зимы оставалось совсем немного.

Содержание

Глава 11	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Аксель Панцер

Двенадцать месяцев. Ноябрь.

Когда камень говорит.

Глава 11

Когда камень говорит.

Ноябрь пришёл почти без цвета. Первый снег октября растаял. Потом выпал снова. Потом опять растаял. По утрам земля была белая, к полудню чёрная, а к вечеру мороз снова прихватывал грязь и лужи.

Лес стоял голый. Берёзовые ветви чернели на сером небе. Осиновые листья давно лежали под снегом. Только ели и сосны сохраняли зелень, но и она теперь казалась тёмной, почти чёрной.

Дни стали короткими. Солнце поднималось низко и уже после полудня клонилось к лесу. В доме всё чаще топили печь. По вечерам Егорка сидел у Прохорыча в мастерской. Там было тепло. Пахло деревом, каменной пылью, маслом и дымом. На столе горела лампа. За окном ветер гнал редкие снежинки. А на верстаке лежал тот самый серый камень, из которого Егорка с сентября хотел сделать свой цветок.

Работа шла плохо. Он вырезал один лепесток. Потом второй. Смотрел. Не нравилось.

— Опять не то.

Прохорыч не поднимал глаз от своей работы. — Чего не то?

— Мёртвый.

— Камень и есть камень.

— Нет. Ты сам про живинку говорил.

Старик улыбнулся. — Значит, ищи.

Егорка вздохнул. За окном ветер ударил в ставню. В мастерской стало особенно уютно. И всё-таки Егорке казалось, будто сам камень перед ним холодный не только снаружи. Будто не хочет ничего показывать.

Утром он проснулся от тишины. Ветер стих. За окном всё было белым. Первый настоящий снег укрыл землю. Не глубокий ещё. Трава местами торчала. Камни на дороге выступали чёрными боками. Но лес сразу сделался светлее. Егорка побежал к Прохорычу. — Зима пришла!

Старик вышел на крыльцо. Поглядел. — Нет.

— А снег?

— Ноябрь ещё. Сегодня зима, завтра вода потечёт. Ноябрь месяц нерешительный.

— Как человек?

— Хуже. Человек хоть сказать может, чего хочет.

Через два дня действительно потеплело. С крыш закапало. Снег почернел. Дорога снова раскисла. Но холод теперь сидел уже не только в воздухе. Он вошёл в землю. Даже днём от камней тянуло стужей. Прохорыч собрал инструменты.

— Куда?

— В старую мастерскую у рудника.

— Зачем?

— Камень посмотреть.

Пошли. В лесу было сумрачно. Низкие облака почти касались вершин елей. Снег лежал пятнами. Между ними чернела земля. В оврагах стоял тонкий лёд. Ни птиц. Ни насекомых. Даже вода, которая весной и летом разговаривала на каждом шагу, теперь молчала.

— Пусто, — сказал Егорка.

— Наверху.

— А внизу?

Прохорыч постучал каблуком по земле.

— Внизу никогда не пусто.

Старая мастерская стояла возле заброшенной выработки. Небольшой домик. Одно окно. Печь. Верстак. Когда вошли, внутри оказалось холоднее, чем на улице. Егорка выдохнул — пар пошёл.

— Тут работать?

— Сначала печь растопим.

Огонь разгорался медленно. Потом поленья затрещали. По стенам побежал тёплый свет. Прохорыч достал из угла несколько камней. Малахит. Серую породу. Кусок меди. Егорка взял малахит. Холодный. Тяжёлый. Узор зелёными волнами.

— Красивый.

— А ты попробуй понять почему.

— Потому что зелёный.

— Тогда любая зелёная краска была бы красивее.

Егорка задумался. Стал поворачивать камень к свету. Одни полосы тёмные. Другие светлее. Одни сходятся. Другие расходятся. Где-то узор похож на лист. Где-то на воду. Где-то на траву.

— Он весь разный.

— Вот.

Прохорыч положил рядом две половинки одного камня. Узор продолжался из одной в другую.

— Камнерезу главное что?

— Не испортить?

— Мало.

— Увидеть?

— Вот теперь ближе.

За окном быстро темнело. Печь гудела. Егорка работал. И вдруг услышал: тук. Он остановился. — Слышал?

— Что?

Тук. Будто кто-то ударил по камню глубоко под полом. Потом ещё. Прохорыч прислушался.

— Выработка старая. Камень играет от мороза.

Но Егорка уже знал: Прохорыч иногда так говорит, когда сам ничего объяснять не хочет. Тук. Тук. Тук. Удары уходили куда-то в глубину. Егорка подошёл к двери в старую шахту. Она была заколочена. Между досками тянуло холодом. И вдруг в щели мелькнул зелёный свет.

— Прохорыч! Старик поднялся. Свет исчез. Потом появился снова. И вместе с ним маленькая зелёная ящерка. В ноябре.

Она сидела на нижней доске и смотрела на Егорку — Не может быть, — прошептал он. — Они же ушли под землю.

Прохорыч ответил: — Видать, одна вышла за тобой.

Ящерка скользнула под дверь. Одна доска сама собой тихо отодвинулась. За ней открылся тёмный проход. Егорка посмотрел на старика. — Пойдём? Прохорыч тяжело вздохнул. — Коли уж позвали.

В шахте было темно. Но недолго. На стенах одна за другой начали светиться зелёные жилки. Сначала слабые. Потом ярче. Будто камень сам зажигал лампы. Чем глубже они спускались, тем теплее становилось. Егорка снял рукавицы. — Здесь теплее, чем наверху.

— Земля мороз не сразу пускает.

Впереди снова пробежала ящерка. Потом ещё одна. За поворотом открылся большой подземный зал. Егорка уже видел палаты Хозяйки. Но теперь они казались совсем другими. Ни цветов. Ни травы. Ни золотых огней. Только камень. Малахитовые стены. Чёрные своды. Красноватые медные полосы.

В центре стояла Хозяйка Медной горы. В тёмном платье.

— Ноябрь не нравится? — спросила она. Егорка честно ответил: — Холодный.

— Ещё?

— Тёмный.

— Ещё? Он подумал. — Пустой.

Хозяйка усмехнулась. — Наверху те же слова сказал Прохорыч.

— А здесь?

— Смотри. Она коснулась стены. И камень стал прозрачным. За ним открылись жилы. Одна уходила вниз. Другая изгибалась. Третья разветвлялась, словно корни большого дерева. По ним проходили красные, зелёные, золотистые отблески.

— Летом ты смотрел на траву, — сказала Хозяйка. — Осенью на листья. Теперь смотри на то, что остаётся, когда всё сверху исчезло.

— Камень?

— Основа.

Егорка подошёл ближе. Каменные жилы действительно напоминали корни. Будто весь летний лес сверху был только одной половиной мира. А вторая уходила вниз. В землю.

Вдруг зал дрогнул. Из дальней темноты донёсся тяжёлый шорох. Егорка сразу вспомнил февраль. — Великий Полоз? Хозяйка кивнула.

— Спускается глубже. По стене прошёл золотистый отсвет. Потом другой. Будто огромное тело медленно двигалось за камнем. Егорка увидел только тень. Длинную. Тяжёлую. Она кольцом обошла зал и ушла вниз.

— Он зимой спит?

— Не так, как змеи наверху.

— А что делает?

— Стережёт своё.

— Золото?

Хозяйка посмотрела на него. — Люди всё думают, будто Полозу золото нужно.

— А что тогда?

— Порядок.

Егорка не совсем понял. — Какой?

— Чтобы одно место не обобрали, другое не разрушили, третье не забыли. Земля тоже меру любит.

Прохорыч тихо сказал: — Запомни.

Хозяйка повела их дальше. В маленькой нише стоял цветок. Каменный. Но не тот сентябрьский, великолепный и страшно красивый. Этот был незаконченным. Один лепесток только намечен. Другой вышел кривым. Третий словно ещё прятался внутри камня.

— Кто делал? — спросил Егорка.

— Никто.

— Как?

— Ты.

Егорка испугался. — Я такого не делал.

— Наверху нет. Она показала на его руки. — Но в голове уже делаешь.

Он смотрел на цветок. И вдруг узнал собственный сентябрьский рисунок. Только здесь он был не законченный.

— Почему не готов?

— Потому что ты не готов.

Егорка покраснел.

— А когда?

— Когда перестанешь спрашивать.

— О чём?

— «Когда».

Прохорыч засмеялся. — Верно говорит.

Хозяйка подняла цветок. — Хочешь увидеть готовым? Егорка вспомнил Данилу. Тот увидел Каменный цветок — и после этого обычная работа перестала давать ему покой. Егорка долго молчал. Потом сказал: — Нет.

Хозяйка удивилась. — Почему?

— Хочу сам закончить.

На этот раз улыбнулась она совсем иначе. Не насмешливо. — Тогда бери.

Егорка протянул руки. Но Хозяйка положила ему на ладонь не каменный цветок. Всего маленький серый осколок. — Это что?

— Материал.

— И всё?

— Для мастера этого достаточно. И палаты исчезли.

Егорка очнулся возле печки в старой мастерской. За окном было совсем темно. Прохорыч сидел рядом.

— Долго я спал?

— Ты не спал.

— А Хозяйка?

— Какая Хозяйка?

Старик сказал это слишком спокойно. Егорка разжал ладонь. В ней лежал серый камешек. Прохорыч посмотрел.

— Откуда?

— Не знаешь?

— Знаю я только то, что глазами видел. Егорка усмехнулся. Это тоже был один из Прохорычевых ответов.

Когда вышли наружу, начался снег. Не мокрый октябрьский. Сухой. Мелкий. Он шуршал по земле и задерживался между корнями. Воздух был совсем зимний. По дороге домой Егорка всё время держал руку в кармане и трогал серый камень. Ничего особенного. Но теперь он не торопился увидеть в нём цветок.

Ноябрь тянулся долго. Утром мороз. Днём оттепель. Вечером снова лёд. Потом пришла настоящая стужа. Окна по утрам покрывались инеем. В доме топили жарче. Прохорыч всё чаще работал при лампе. А Егорка сидел рядом со своим серым камнем. Сначала ничего не делал. Просто смотрел. Один вечер. Другой. Третий.

— Когда резать-то начнёшь? — спросил Прохорыч.

— Не знаю.

Старик улыбнулся.

— Теперь хорошо.

Однажды Егорка увидел. Не целый цветок. Только один лепесток. Он был уже там. В камне. Нужно было убрать всё лишнее вокруг. Егорка осторожно взял инструмент. Первый удар сделал совсем слабый. Крошечный кусочек камня отлетел. Потом ещё один. Прохорыч

работал рядом и не вмешивался. За окном ноябрьский ветер гудел над тёмным заводом. Снег бился в стекло. Лес стоял без единого листа. Змеи ушли под землю. Ящерики скрылись. Синюшкин туман замёрз над болотом. Огневушкиных дымокуров давно не было. Серебряное копытце уже посветлело к зиме.

А глубоко под горой Великий Полоз сторожил золотые жилы, Хозяйка ходила по малахитовым палатам, и Каменный цветок продолжал цвести там, где не бывает ни ноября, ни весны. Егорка понял: весь год земля разговаривала с ним разными голосами. Зимой — снегом. Весной — водой. Летом — травой. Осенью — туманом и листьями. А в ноябре, когда всё это исчезло, остался самый тихий её голос. Камень. Его услышать было труднее всего. Потому Прохорыч и сказал когда-то: — Для торопливого камень молчит.

Теперь Егорка наконец понимал эти слова. Он сделал ещё один осторожный удар. Под серой коркой появилась тонкая зелёная жилка. Егорка остановился. Не стал ни расширять её, ни делать ярче. Только посмотрел. А потом сказал: — Вот она.

— Кто? — спросил Прохорыч.

— Живинка.

Старик подошёл. Долго смотрел на камень. Потом кивнул. — Теперь не спеши. За окном падал снег. До настоящей зимы оставалось совсем немного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.